

Алексей САВЧЕНКО

ПТИЦАМ ТЕСНО В НЕБЕ

Повесть

ПРЕДИСЛОВИЕ

Живущий в бывшем Кёнигсберге, а ныне Калининграде А. Савченко (1970 года рождения), что называется — бывалый человек. Окончил «мореходку», филфак университета, Высшие сценарные курсы ВГИК. Работал на рыболовецких траулерах, предпринимателем, строительным реставратором, сценаристом и продюсером игровых короткометражных фильмов. Лишь потом поступил на ВЛК Литинститута.

Он талантливый прозаик, великий выдумщик сочинил эту замечательную авантюрно-фантастическую повесть о чудесах, страстях и трагикомедиях, вершащихся в городе с характерным названием «Ка», бывший «Ке».

Прекрасно выписаны и индивидуально поданы ВСЕ персонажи этого текста, начиная со Святого Пьяницы и заканчивая незадачливым мэром удивительного города, полного тайн и несурзностей. Лихо закручен сюжет с гигантским астероидом, чуть было не погубившим нашу планету, чью смерть предотвратили смысленные граждане города. Почти все здесь выдуманно, и почти всему веришь. Благодаря таланту и писательской пластике А. Савченко.

Я считаю, что эта повесть вызовет несомненный интерес у читателей, которых у нас в стране до сих пор полным-полно, как бы малoverы ни утверждали обратное.

Евгений ПОПОВ

...Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря...

Иосиф Бродский. Письма римскому другу

ЧАСТЬ 1

В глухой провинции у моря, в городе Ка, кипели две страсти от двух новостей. Вторая сильнее, а первая «слабже». Горожане сходили с ума. Разные социальные страты сходили с ума по-разному...

Первая новость: к Земле приближался огромный беспризорный астероид. Пользователи соцсетей прозвали его Мухаммед¹ — в честь кулака покойного ныне боксера, разможвившего немало челюстей. А вторая... Фракция депутатов от Ка под названием «Единатория» подавляющим большинством голосов продавала нормативный акт

---

¹ Мухаммед Али (при рождении Кассиус Марселлус Клей-младший, 1942–2016) — американский боксер-профессионал, выступавший в тяжелой весовой категории, один из самых известных боксеров в истории мирового бокса.

«О запрещении трамвайного движения на территории Ка» — всенародно избранный мэр Икар Оскарович Фройцман был против.

Мы как раз успели к финалу решающего закрытого голосования в помещении мэрии. День, лето, а докладчик-депутат завершал скучную речь скучным голосом:

— ...Итак, резюмирую... Опосредованные социологические опросы² жителей выявили, что трамвайное сообщение есть архаизм двадцатого века. А вот высвободившиеся от трамвайных путей земельные участки и снятые с них обременения охранных зон в случае подачи на публичные торги пополнят городскую казну денежными средствами для решения острых социальных проблем и разгрузят дороги от автомобильных пробок. Это есть прогресс, инновационный рывок и ощутимые инвестиции частного капитала в городскую инфраструктуру. Одним законом мы решаем три насущные вещи, согласные последнему посланию. Сметы нами просчитаны и утверждены. Регламент ликвидации убыточного трамвайного депо принят всеобщим собранием трудового коллектива. Закон «О запрещении трамвайного движения в городе Ка» рассмотрен депутатами и принят в трех голосованиях сразу. Мы последний регион, который не имеет подобного законоположения. Это позор. Это недопустимость несусветная. Надо честно признаться в своих ошибках и срочно исправить их. Дело осталось за подписью мэра. Если это будет сделано им сегодня, то уже ночью информация о ликвидации транспортного предприятия появится в официальном телеграм-канале мэрии и нормативно-правовой акт мгновенно вступит в законную силу. Следующим утром на улицы города из депо не выйдет ни единого транспортного средства, а мы сможем приступить к демонтажу трамвайных путей и продаже на публичных торгах земельных участков, что благотворно скажется на счетах городской казны. План наш весьма прагматичен, реалистичен и скор в исполнении. А к чему тянуть-то? Правда, наша фракция встречает сопротивление со стороны всенародно избранного мэра Икара Оскаровича Фройцмана, но мы считаем его противостояние принятию нашего прорывного акта банальной мезьей за упрощение выборности первого лица города с первого января следующего года, когда вступит в силу закон, принятый областной думой и также поддержанный нашей фракцией. Посему из уважения к последнему мэру мы согласились оставить и последний трамвай. Маршрут номер восемь! — засмеялся депутат, а следом за ним и зал. — Простите... Исключительно для туристов, отдавая дань «европейскости» нашего горячо любимого города. Но только до конца текущего года. А зачем нам эти трамваи, коллеги? Ведь правда же? Спасибо за внимание, коллеги. Хорошего вам дня, коллеги.

Под выступление спикера трудно было удержаться, чтобы не вздремнуть. Что и делало большинство народных депутатов — они спали.

Их разбудил всенародно избранный мэр! Мэр поднялся на трибуну и колотил о тумбу собственным ботинком от «Армани», отстаивая трамвайное сообщение. Будил остатки совести в солидных дяденьках и паре тетенок-депутаток, сидящих в зале.

— Зачем трамвайное сообщение? — Фройцман побагровел, а когда он багровел, то начинал говорить на украинском языке, поскольку родился и вырос под Житомиром. — Щоб було!³ — закричал мэр города депутатам. — Як в Чехії!

— Двадцать первый век на дворе! Вы еще конки по городу пустите! И что это вы, господин мэр, на украинской мове заговорили? — послышался окрик одного из депу-

² Опосредованный (заочный) соцопрос может осуществляться по телефону, через сеть Интернет, почтовые письма и т. д. Для его проведения, как правило, составляется специальная анкета с вопросами, которую заполняют респонденты. Результаты этого анкетирования интерпретируются для получения нужных социологу данных.

³ Чтобы было! (укр.).

татов «Единатории». — Мы осведомлены, откуда вы родом, но теперь это недружественное нам государство, хоть и с братским народом. Говорите на китайском, узбекском, зимбабвийском на худой конец — не надо нам тут «гькать»! Городу нужны нанотехнологии и стартапы, а не ваше допотопное трамвайное сообщение. Время на раскачку вышло! Все!

Смех, аплодисменты и улюлюканье раздалось с мест зала голосования.

— Так що ви, хлопці?! Хіба народ не розуміє?⁴ — взял себя в руки мэр на трибуне и перешел на русский: — Ликвидация депо производится ради земельных участков для точечной застройки в центральных районах города! За кого вы горожан принимаете? Земля теперь стоит миллионы! Да когда вы наедитесь землей-то этой? Все мы смертны — рано или поздно в нее и уйдем! Жри ее потом от пуза, лопаи! Что ж вы работников депо безработными делаете-то? Что ж вы их на улицу выгоняете? Там женщины и бабульки пред- и пенсионного возраста! А тебе-то, Гаврила, не стыдно? — обратился он к руководителю предприятия. — Ты ж этот законопроект поддержал! Своих акционеров облапошил! Сам, своими руками, давишь собственное предприятие! Алену, бабу свою, придуши, если руки чешутся! Небось участок присмотрел себе под застройку? Где? Поделись секретиком? Никому не скажу!

Гаврила Гаврилович, генеральный директор трамвайного депо, покраснел и, задохнувшись от возмущения, вскочил с депутатского кресла:

— Я, Икар Оскарович, не посмотрю, что вы еще мэр! Не позволю! Оскорблять себя публично! Сами-то, поди, не святой!

— А непублично, значит, можно? — завелся с пол-оборота мэр. — Морду тебе набить не публично, а? Ты же мне обещал, Гаврила! Уверял, что на моей стороне! Да, я не святой! І горілку люблю, і дівок за сиськи потискати! А що?⁵ Холост и в расцвете сил, как Карлсончик из мультика! За это народ меня любит и выбирает третий срок подряд! По земле хожу, с народом не брезгую обниматься! И старых друзей не предаю! А разрушать коллективное предприятие, коему семьдесят восемь лет, а если считать от славных имперских времен, когда наш город был еще не гордым Ка, а бюргерским, мещанским по-нашему, Ке, то и все сто двадцать с хвостиком — не позволю! Костьми лягу, а не позволю! А за выборность мэра мы еще поборемся! Посмотрим, чья возьмет, иуды...

Ударил в последний раз по трибуне изящным ботинком и покинул зал.

Гаврила Гаврилович, пунцовый от подскочившего вмиг кровавого давления, ерзал в своем депутатском кресле и шипел: «Ну это мы еще посмотрим, кто кого, Карлсончик... Ляжешь еще костьми...» После окончания заседания он отошел от товарищей-депутатов «Единатории» и кому-то позвонил по мобильному телефону.

— Привет, это я. У меня вопрос: кто утвердит закон, в случае... если мэр... м-м-м... не способен утверждать? Вице-мэр? Он же наш, так? Хорошо. Пусть подписывает, я все решу... Зуб даю. Достаточно? Ну и ладушки...

* * *

А по улицам и зауличью провинциального города Ка в шесть двадцать утра следующего дня, переваливаясь, курсировал трамвай номер восемь. Старый. Чешский. Разбитной. Семидесятых годов «Tatra T2SU» — не разобрать уже названия, стерлось.

В те же шесть двадцать две дворничихи, старшая бабка Катря и молодая узбечка Феруза, приступили к инспекции подконтрольных им территорий от улицы Каштановой до Фестивальной аллеи. Обе в красивых кислотно-желтых, светящихся от света

⁴ Да что вы, ребята?! Разве народ не понимает? (укр.).

⁵ И водку люблю, и девок за сиськи потискати! А что? (укр.).

фар проезжавших машин безрукавках, выданных им клининговой компанией. Толкали перед собой бэушные детские коляски с пакетами мусора, вениками, метлами и ведрами. У бабки по старшинству коляска была от двойни. Остановливались и мели на разворотном кольце, где трамвай номер восемь стоял и жужжал электрическими трансформаторами, заполняясь пассажирами.

Пожилая дворничиха кивнула на вагон:

— Последний.

Молодая недоверчиво буркнула:

— Первый же?

— Дура! Посмотри на окна! Последний трамвай в городе.

Феруза окинула лобовое стекло взглядом.

— Восьмой.

— Все трамваи на иголки пустили. Не слыхала, что ли? В телеге, на «Клопсе» в полночь прописали: «Этот — последний!» Понаехали тут-мана... Паспорта понаполучали, а городских новостей читать не хотят. Запретили трамваи, дурында!

— Как курение в общественных местах? — спросила Феруза.

— Типа того...

Вагон был полон народом. Не трогался. В открытые двери по ступеням поднялся бородатый и волосатый мужик неопределенного возраста. Протиснулся к схеме трамвайного маршрута, приклеенной к стеклу за спиной вагоновожатой. Водил пальцем по истертой временем карте. Путь следования по городу был схож с восьмеркой — мужик удовлетворенно хмыкнул: «Тот самый».

Кондукторша, женщина с противным высоким голосом, дернула его за рукав:

— Мужчина, платить будем?

Тот обернулся на визг, поморщился от него — сумка-мошна, живот, протянутая в его сторону ладошка-лодочка. Набрал воздуха в легкие и зычным, хорошо поставленным голосом произнес:

— «Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним...»

Кондукторша, прищурилась, сбита с толку, переспросила:

— Чи-и-и-во? Ну, работала я в налоговой... деньги давай!

— «И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим...» — продолжил мужик.

— Ты мне зубы не заговаривай, плати двадцать восемь рублей или покажи пенсионное удостоверение!

— А «когда Иисус возлежал в доме, многие мытари и грешники пришли и возлегли с Ним и учениками Его», ибо «не здоровые имеют нужду во враче, но больные, пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию».

Пассажирка-бабушка с медицинской маской на лице перекрестила маску:

— Юродивый. Точно. Их святыми делают. Грешно с такого билет требовать, женщина.

— Вышло время! Время последнего кредита! Послушайте, братья и сестры, — истину глаголю! Ибо погряз в грехах, аки в шелках, род человеческий! — говорил юродивый.

Кондукторша завершала, перебивая, мужика:

— Это куда ты меня возлежать с утра зовешь, порядочную женщину, а? Нарезался? Пьянь беспробудная! Зи-и-и-н! — завопила она вагоновожатой. — Не закрывай двери! У нас безбилетник! Платить отказывается, святой пьяница!

Мужик смерил женщину взглядом:

— «Встретил даму неопикуемой красоты, очень нарядную: в пальто джерси, глаза подбитые. Уронила свой милый газовый шарфик под мои ноги. Могла бы завязаться любовь, но не было денег»⁶.

Кондукторша задохнулась от гнева в замешательстве, ощупывая серыми от монет подушечками пальцев веки.

Из будки водителя вышла суровая лицом, полногрудая, с лишне расстегнутой пуговкой в декольте Зина:

— Что еще за безбилетник святой?

Бабушка-пассажирка в маске перекрестила салон и проговорила:

— Может, он батюшка или дьякон? Святым отцам можно без билета — президент разрешил — приравнял к детям...

Мужик, улыбаясь, окинул глазом вагоновожатую с головы до ног:

— «Почка сочила кровь на блюдо с рисунком из ивовых ветвей: последняя. Он стоял у прилавка следом за соседской прислугой. Возьмет ее или нет? Она вычитывала по пунктам, держа в руке списочек. Руки потрескались: от стирки. И полтора фунта сосисок Денни. Взгляд его приковали мощные бедра...»⁷

Зина покачала головой удивленно:

— Ничего себе святой!

Мужик откровенно уставился на ее грудь, талию и ниже:

— «...Свежая кровь. Ухажеров не разрешают. Руки крепкие. Выбивала ковер на веревке. Серьезно выбивала, я вам скажу. Юбка сбилась на сторону, взлетала с каждым ударом...»⁸

Дама оглядела себя — и правда! Смущенно поправила на крутых бедрах сбившуюся юбку.

Кондукторша — бабушке-пассажирке в маске:

— Да какой он батюшка, бабушка? Охальник он. Возлежать предлагал! Мне! Я на Доске почета депо вишу четырнадцать лет!

Бабушка-пассажирка в маске:

— Ну а что? Батюшки сейчас и «Мурку» поют — наш президент одобрил...

А мужик продолжил цитировать Джойса сбитой с панталыку женщине, застегивающей пуговку на груди:

— «...Догнать и пойти за ней, если недалеко еще, следом за колыхающимися око-роками. Недурно, как первая утренняя картинка. Да поживей ты, тьфу. Куй железо, пока горячо...»⁹

Пальцы Зину не слушались — проклятая пуговичка на груди! Пассажиры с пронизывающими улыбками следили за пальцами вагоновожатой.

Кондукторша заорала на Зину:

— Да зачем ты бомжа этого слушаешь? Да какой он, к чертям, дьякон, Зин?! Он твою задницу око-роками обзывает — а Зина краснеет! Ща мы тебе все сосиски Деннины твой оторвем, кобелюга проклятый!

Вопль кондукторши вывел вагоновожатую из словесного гипноза.

Экипаж принялся выталкивать взашей упирающегося пьяницу, прорицавшего на весь вагон и округу свои откровения:

— В день, когда на улицы выйдут лыжники с палками, но без лыж, когда столетние девы постигнут заокеанскую избирательную систему, а с небес посыплется мэры, аки

⁶ Евгений Попов. «Каленым железом».

⁷ Джеймс Джойс. «Улисс», перевод В. Хинкиса, С. Хоружего, комментарии Е. Гениевой.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

прошлогодние листья, — попомните тот день, ибо он последний! И остановится земля, и врежется в твердь ее камень вселенский, скоростью в одиннадцать махов, и погубит род человеческий! Уверуйте! Мать Спасительница сбережет вас, окаянные! Та, о которой рек святой Венедикт! Та, у которой много имен, белые глаза и косица до попы! Покайтесь! Пока... есть время... Доверьтесь! Я есмь проводник ко спасению! Приведу к ней! Ибо писано в скрижалях утерянных: «Потеряют облик человеческий, тела в шары, перекасти-поле превратятся, из голов антенны будут торчать, а на пузах экраны дьявольские!» Станут они вспомогателями-спешниками! Откройтесь! Услышьте меня, черствые люди! Трамваи крутят землю вокруг ее оси! Трамваи!

Пассажиры вагона расхохотались до слез от слов проводника ко спасению.

— Иди-иди! К друзьям своим, пьяницам святым, безбилетник! — прогорланила кондукторша.

— Смейтесь, смейтесь! Смех никому не вредит! От него шишки на лбах вырастут, как грибы! — голосил бородатый.

Кондукторша и Зина вытолкали пьяницу из вагона. Тот упал на тротуар к ногам двух дворничих — бабы Катри и Ферузы, перевернув коляски с ведрами и метлами. Двери трамвая закрылись.

— Жилистый какой попался... — натужно дышала Зина.

Пассажиры притихли.

— Ты смотри, какой упертый! Понажрут бояры, а после нороят в тепле отоспаться. На халяву. Пьянь. Терпеть их не могу! Сколько мой нервов истрепал, покуда не выгнала обормота в подвал. Бог уберег, хучь не прибила! Сам помер от пьянки. А ведь руки чесались... Я теперь их за версту чую, — не умолкая, бормотала кондукторша, вытирая носовым платочком пот со лба и в ложбинке между грудей.

А пьяница надсаживался, размазывая ладонью юшку под носом:

— Солнце мертвых зазвучит над градом! Вернетесь еще ко мне, склочные дамы! С «Зубровкой» в руках! Умолять будете! А стержозность у баб от недосыпа с мужиками!

Кондукторша на весь вагон аж загоготала.

— Ну я не могу от такой наглости, Зин! Ваще, оборзели городские святы! То возлежать, то сосиску, то окорока. А теперь, еще и «Зубровку» ему подавай! Распустили мы мужиков! Услышьте меня, добрые женщины! Встарь они с нас пылинки сдували: «Пожалуйста, мадемуазель! Будьте любезны, мадам!» Прежде мы их вот где держали! — кондукторша сжала пальцы в кулак. — Нынче-то что происходит? Ща отвечу ему! Вода не держится в одном месте — язык чешется!

Высунулась через форточку трамвайную, заорала в ответ мужику, которого поднимали и отряхивали от земли две дворничихи:

— Слышь, алкаш, а?! Анекдот про перспективку слышал?

Дядька ухмыльнулся:

— Знаю, знаю сию экономико-эротическую историю. С Шариком в главной роли? Промолчи, женщина. А то сбудется...

— Ах ты ж... проныра! — поперхнулась, клопоча в бешенстве, кондуктриса.

— Шарик на тебя не позарится! В отличие от меня... — и подмигнул ей.

Кондукторша фыркнула и захлопнула форточку! Трамвай медленно поехал, искря, по городу. В вагоне стало совсем тихо. Про переполох уже и подзабыли...

* * *

Две старушки заняли места для инвалидов — на двоих лет двести. Одна поправила слуховой аппарат и во весь голос обратилась к соседке:

— Марь Санна, телевизор вчера смотрела?
— Смотрела, смотрела... — так же громко ответила Мария Александровна.
— Так кто победил — Трамп или Хиллари? Кто президентом-то у них теперь будет? У меня давление скакнуло — корвалолу напилась, задремала и пропустила данные экзитпола. Как там мои республиканцы?

Мария Александровна гаркнула подружке в слуховой аппарат:

— Дура ты, Римка! И всегда ею была, Римма Андреевна! Оттого, что за республиканцев! То-то и Федька тебя замуж не взял. Так в девках и помрешь!

— Ой-ой-ой! А сама-то, сама — Магдалина, поди?.. Много ли у тебя с Федюней было? А я отвечаю: ни разика! Федюня мне клялся! В телевизоре узнала, даже записала, что у тебя с ним было... — возмутилась Римма Андреевна.

Порылась в карманах, достала мятый тетрадный листок в клеточку — на нем старческим почерком было выведено: петтинг¹⁰.

Мария Александровна обиделась во все горло:

— Не Магдалина, а было. Дура! В нижнюю палату конгресса победили мои демократы! Республиканцы твои проиграли!

— Поди ж ты! — сокрушенно и расстроено протянула Римма Андреевна. — Я давеча на Дональда свечку поставила. Сорокарублевую. Значит, не ту? А любил Федюня меня... — и высунула язык, дразня подругу.

Мария Александровна отвернулась к окну.

— Господи, дура душой! Душой и помрет... — прошептала она стеклу.

Кондукторша, Зина-вагоновожатая, а также все пассажиры вагона, слышавшие беседу двух старушек, недоуменно переглянулись.

— А что, правда демократы выиграла? — посылшались вопросы в салоне.

— А-а-а-а! — внезапно вскрикнула кондукторша на весь вагон.

Все с испугу дернулись от пронзительного крика.

Зина обернулась от «руля»:

— Ты чего, мать?!

Кондукторша трясущимся пальцем показывала на что-то за окном.

— Л-л-лыжники... — дрожащим голосом произнесла она.

Пассажиры повернули головы в указанную сторону. По вагону прокатился изумленный говор:

— Без лыж... — Сквозь стекла была различима группа идущих куда-то пожилых женщин в смешных вязаных шапочках, с палками для скандинавской ходьбы в руках.

Бабушка-пассажирка перекрестила медицинскую маску, прикрывающую ее рот:

— А может, мы зря... его... того... батюшку-то...

ЧАСТЬ 2

На последнем этаже кирпичной двадцатизэтажки — роскошный пентхаус Икара Оскаровича. По его стеклам били блики светомузыки. Окна были раскрыты. Навстречу восходу из колонок выливались на еще спящий город киловатты рэпа. Вечеринка в квартире близилась к финалу. Пьянящий к утру мэр приветствовал новый день красным сухим, грузинским — тянул руку с бутылкой к светилу, ловил ею первый лучик.

— Сейчас поймаю его, ребята! Сейчас напою вас солнцем!

Позади раздались нетрезвые выкрики многочисленных гостей:

— Солнцеед ты наш! Солнцеликий ты наш!

¹⁰ Петтинг — форма сексуальной активности между партнерами без непосредственно полового акта.

— Первый мне! — раздался вкрадчивый, бархатистый, как цветы на могилке, женский голос.

Мэр, стоя перед открытым оконным проемом, огороженным от бездны французским балконом, поперхнувшись, оглянулся:

— Зараз, зараз, моя солоденька... Перший промінчик для тебе!¹¹

Уперся в ограждение коленями.

— Лучик, лучик, ловись... — бормотал усталым голосом мужчина.

Внезапно из темноты угла, из-за ночной шторы, чья-то злая рука толкнула мэра в спину. Фройзман закачался, опираясь руками за воздух, и... перевалившись через французские перила, полетел с двадцатого этажа навстречу тротуару. Гости ахнули! Подбежали к балкону и, свесившись через оградку, следили, словно замороженные, за падением хозяина квартиры. На расстоянии двух этажей от земли мэр упал на рекламные растяжки, и его подбросило снова вверх, как на батуте.

— Парит наш Икар! — не удержался от комментария один из гостей.

Затем тело снова полетело вниз, прорвало баннер, рухнуло на покатую, натянутую барабаном маркизу над входом в элитный подъезд дома и было отброшено ею к трамвайным путям.

Музыка в пентхаусе стихла. В тишине послышались звуки падающей мебели, звон разбитых бокалов, топот и цоканье торопливых каблучков башмаков и туфель — это гости разбежались, как тараканы от травли...

* * *

— Да чтоб тебя! — резко вдавила тормозную педаль до упора в пол вагоновожатая Зина, примагнитив вагон к рельсам силой в двадцать тонн.

Стоящие пассажиры попадали на пол. Сидящие ударились головами о передние сиденья. У обеих категорий граждан на лбах моментально выросли шишки.

— Убил-и-и-и! — пронесся истошный крик по вагону.

Зина в истерике закрыла лицо руками:

— Невиноватая я! Он сам на рельсы звезданулся!

Торопливые пассажиры, толкаясь, выбежали из вагона. Обступили человеческое тело, лежащее рядом с рельсами...

— Это ж наш мэр... Сбили трамваем орлика! А мог бы еще летать и летать, — зашептали.

Послышался вой полицейской сирены. Через толпу протиснулся младший лейтенант, с повадками лейтенанта старшего¹².

— Расступитесь, расступитесь, горожане! Руками ничего не трогать, граждане! О мой бог!.. — младший лейтенант, зажав рот ладонями, забежал за трамвайную остановку: его вырвало.

Перед вагоном в луже вина, как в крови, лежал мэр. В осколках бутылочного стекла переливался бликами первый солнечный луч.

Младший лейтенант, вернувшись из-за остановки, склонился над телом и начал прощупывать пульс на сонной артерии двумя дрожащими пальцами, отвернувшись от потерпевшего.

Раздался рингтон его мобильного телефона куплетом из рэп-песни: «Катали ваше солнышко шкалик да хлеба корочка, пела песню соечка — клевала с подокон-

¹¹ Сейчас, сейчас, моя сладенькая! Первый лучик для тебя! (укр.).

¹² Дорогой мне читатель! Не удержался и вставил в свой текст замечательную фразеологическую находку Довлатова из повести «Ослик должен быть худым». Чтоб ты не забывали (прим. автора).

ничка, лунный мотылек, ты лети на костерок — там, где лысый бережок сыпет пьяненький дьячок...»¹³

Полицейский с трудом выудил смартфон из кармана форменных брюк:

— Скважин! Да, товарищ генерал! Умер мэр. Рельсы в крови... — Прослушал приказ и нажал отбой.

Поднялся с колен. Сфотографировал тело и отправил фото кому-то по вайберу.

По толпе пронесся рокот:

— Сбылось. Все сбылось, что волосатый говорил! Святой, значит. Да? Пророк?

Зина, в истерике заламывая белые руки в синяках, запричитала:

— Он сам упал! Что теперь со мной будет, товарищ милиционер? У меня дитя. Несовершеннолетнее! Ипотека! Потребительский кредит за матрас! Мать лежачая! На матрасе.

— Да заткнись ты! — гаркнул на нее полицейский, стараясь не смотреть ни на труп, ни на Зину. — Он рядом с рельсами лежит. Не видишь, что ли? Идиотка? И не милиционер я — полицейский! Когда вы все привыкнете? Твою мать лежачую...

Зина посмотрела на труп мэра другими глазами.

Действительно. Мэр, рухнув из окон многоэтажки, не долетел до ее рельсов с полметра. Зинаида перестала истерить душой. И от души радостно высморкалась в угол оранжевой трамвайной жилетки.

Младший лейтенант снова зачем-то присел на колени, что-то рассматривая на земле преступной, — и все пассажиры тоже присели и стали изучать плитки тротуара. Он поднялся — и все поднялись вслед за ним. Задрал голову кверху — и все задрали. Над ними и трамвайными путями в небе полоскались на ветру и хлопали драные рекламные растяжки, точно простыни на итальянских бельевых веревках.

И тишина...

Ее вновь разорвал звонок телефона младшего лейтенанта: «Катали ваше солнышко шкалик да хлеба корочка, пела песню соечка — клевала с подоконничка, лунный мотылек, ты лети на костерок — там, где лысый бережок сыпет пьяненький дьячок...»

Зина, заикаясь, толкнула кондукторшу локтем, кивая в сторону молоденького полица:

— «Солнце мертвых». Гнойный. Оболтус мой его слушает. Все, как безбилетный говорил. Ты, это... Мать... Где алкашку¹⁴ купить в такую рань? Знаешь?

Кондукторша еле шевелила помертвевшими губами.

— У хачей. В «Сове». На Фестивальной. Там круглосуточный. Менты крышуют. Мой туда ходил ночами, пока не... — она вдруг замолчала.

Младший лейтенант, переговорив по телефону, сел в белый «рено-мобиль» и приляпал рукой через водительское окно магнитную мигалку на железную крышу. Автомобиль завелся.

Люди в недоумении переглянулись. Кто-то прокричал из толпы в спину отъезжавшей с места происшествия полицейской машине:

— Труп! Труп забыли!

— Оставьте себе! Хороняки! — огрызнулся младший лейтенант.

* * *

Пассажиры и не заметили, что труп давно открыл глаза и уже взирал ими в самую высь поднебесную. Там в вышине над ним летали две хищные птицы — чайка и воро-

¹³ Рэпер Гнойный, песня «Сочечка» из альбома «Солнце мертвых» (2017). Источник: <http://main-lyrics.ru/slava-kpss-soechka-tekst-pesni-slova-pesni>.

¹⁴ Алкогольная продукция (жарг. и разг., собир.).

на... Порыв ветра снес чайку, и она врезалась в ворону. Обе кувыркнулись, недовольные, сцепившись в воздухе: не поделили небо. Перья летели, клевали друг дружку в кровь, не замечая, что сами падают на... А опомнившись, разлетелись в разные стороны на хромых крыльях.

Заговоривший труп мэра произнес меланхолично:

— Птицам тесно в небе...

Все резко обернулись к говорящему. Тот уже пытался подняться на ноги. Но это ему не удавалось: сломанные ноги не слушались. Бабушка-пассажира натянула медицинскую маску на свои глазницы и повалилась в обморок около городского главы.

Зина, губы и руки которой тряслись, как от озноба, скомандовала пассажирам на фальцетной ноте, заикаясь:

— По вагонам, м-марамойки!

Пассажиры, пятась от мэра, в точь телевизионного зомби, залезли в вагон, оглядываясь.

— Бабку тащите в салон! — приказала Зина срывающимся голосом.

Но ни один даже не сдвинулся в бабкину сторону, опасаясь сидящего на земле Икара Оскаровича, словно чумного.

— Все и всегда надо делать самой! Мать! Где ты там? Хватай старую за ноги! — Зина с кондукторшей закинули обморочную бабульку в вагон, как если бы двадцатипятикилограммовый мешок с цементом, и запрыгнули в него сами. Двери закрылись.

— Меня возьмите с собой! — слабым голосом попросил Фройзман.

Но его никто не хотел слушать.

— Иди на ... — запнулась. — В мэрию! Гад! — проорала Зина.

Трамвай медленно тронулся с места. Мэр, вот же гадский гад, переполз, волоча ноги, с пешеходного тротуара к рельсам и улегся на них. Перекрыв движение многотонной машине своей шеей на железной рельсе. Электрический транспорт встал.

— Каренин! Ночная бабочка мужецкого пола! Прочь с дороги! — в сердцах потребовала учившаяся еще в советской школе Зина.

— Пустите! — жалобно проныл Икар.

— Не пускайте, Зина! Этого! Восставшего из ада! — умоляли вагоновожатую пассажиры с мифологическим мировосприятием еще от советской средней школы. — Давите его, Зина! Как Каренину!

— Мамочки мои! Что ж вы такое несете, добрые пассажиры? Неправославненько, как-то... Давить пьяных мэров в двадцать первом веке! Сами ж, поди, выбирали его? — по громкой связи процедила охрипшим голосом Зина.

— Ага! Из двух сортов дерьма — лучшее! Три срока, пятнадцать лет сосал нашу кровушку — клещ проклятуший! Давите его! — поднялся градус возмущения общественности. Зина вылезла из своей кабины.

— Кто за то, чтоб колесами мэра переехать? А? Садись на мое место! Я покажу, какие педали нажимать. И рядом постою... Руку подними! — прохрипела она.

Ни единой поднятой руки. Установилась тишина, нарушаемая только мольбами мэра.

Фройзман протягивал обе руки к трамваю, жалобно хныча:

— Не бросайте меня — я не из ада. Меня хотели убить... Я единственный голосовал за трамвай, а все те гады гадские были против!

Зина, вернувшись в водительскую кабину, дернула за рычаг, и передняя дверь, скрипя, раскрылась. Мэр по ступенькам вполз в вагон, словно дачный слизень.

— Спасибо, добрые люди! — И уснул пьяным сном в тепле и прохладе прохода между сидений.

— Намаюсь, соколик, — проговорила дева Римма Андреевна дева Марии Александровне.

* * *

С задней площадки трамвая к храпящему телу мэра подошла белокурая женщина, похожая на новогоднюю Надю из фильма «С легким паром!»¹⁵, и пустила из глаз слезы...

— Ты знала его, деточка? — сочувственно спросила Римма Андреевна.

— Знала.

— Близко?

— Близко, — ответила женщина.

— Близко-близко? — спросила старушка.

— Близко-близко.

— Близко-близко-близко — как?

— Он меня в кабинете в угол зажал и за лобок трогал, — разрыдалась пассажирка.

Римма Андреевна повернулась к Марии Александровне.

— Ну куда уж ближе, Маш? Федюня мне лубочную шкатулку с осетрами на щечке в молодости подарил. Я аж расцвела!

— Не лубок, а лобок! Дура старая! У тебя между ног не расписной самовар и не чайный прибор на шесть персон, — объяснила подруге Мария Александровна.

— Ах ты ж. Вона про чего, — восхитилась Римма Андреевна, посмотрев на свой пах.

Пассажиры расселись в вагоне. Зина дала сигнал. Двери закрылись. Трамвай тронулся. Вагоновожатая по громкой связи сделала объявление:

— Состав возвращается! К пьянице. Нравится вам это или нет. Мне лично по фигу. Надеюсь на ваше понимание!

Большинством вагон одобрительно хмыкнул. А две старушки, увлеченные спором вокруг давних событий в школе «Колумбайн», ничего и не расслышали...

Некоторое время Зина вела вагон, потом остановилась, открыла переднюю дверь, соскочила с подножки трамвая и ломом перевела стрелку.

— Это заброшенная ветка. Мы разворачиваемся, — вернувшись, объявила она в микрофон.

Трамвай действительно пошел дугой по высокой траве — трудно было даже предположить, что в зарослях, оказывается, скрывались рельсы и вагон способен в этом месте развернуться на обратные.

Кондукторша похлопала Зину по плечу, гордясь вагоновожатой:

— Голова!

— Никаноровна, первый водитель «татры», наставница моя, тайным трамвайным тропам научила, царствие ей небесное... — благодарно заметила Зина.

— Трамвай идет с одной остановкой — «Фестивальная аллея»! — объявила кондукторша пассажирам.

Две трети покинуло вагон, посылая экипаж в адовы дыры.

* * *

Трамвайная дверь распахнулась, из нее выбежала кондукторша — и напрямиком в круглосуточный винно-водочный магазин «Сова». Через пять минут она выходила из ларька, отягощенная звенящими на весь квартал пакетами, полными бутылок.

— Что так много купила? Мать? Он только одну просил. Или я чего-то не понимаю? А курево зачем?

¹⁵ «Ирония судьбы, или С легким паром!» — советский двухсерийный телевизионный фильм режиссера Эльдара Рязанова, впервые показанный 1 января 1976 года. Стал символом предновогоднего вечера.

— Между... первой и второй... перерывчик небольшой... — взбираясь по ступенькам, не своим голосом ответила кондуктриса. — Как выпью... закурить хочется...

Оказавшись в вагоне, она и сама недоуменно оглядела тяжеленные авоськи в своих натруженных, мозолистых руках. И «Зубровка», и «Перцовка», и пиво, и водка, и вино. И две пачки сигарет «LD»¹⁶.

— Не врубаюсь, Зин. С ума, что ли, сошла? «Зубровку» вроде только брала... На кассе сознание помутилось. Муж бывший привиделся. Встал за спиной кассира. Слышу его голос: «С покупками помогу, мое ожерелье, в этом я ас!» Дальше — как в тумане... Гад ползучий! Он меня и оттуда достает!

И вдруг плюхнулась грудью на пакеты, заплакала, зарыдала по-человечески, по-детски...

— Ах ты ж, мой-перемой Володенька! А не слушалась тебя, окаянная! Прогнала тебя в стужу студеную! В могилу свела сиза голубя! А ему бы летать еще соколом, да под солнышком, да над небушкой! Я ж гадючьего яда напилася да на взлете в орлика стреливала! А прости ты, прости меня, мой Волушечка! Ты ж любил меня, дуру, дюже и баловал — при тебе я ходила гулечкой! А none? Насквозь скурвилась, слова доброго не смекаючи! А сосцы-то мои скорбеют по ладоням твоим заскорузлым, Володенька... — запричитала кондукторша.

Жуткая сцена признания в любви к покойному мужу потрясла окружающих салона трамвая. Пассажиры, как могли, успокаивали кондукторшу — прикасались к ее волосам и дрожащей широкой спине.

— Где мы святого выкинули? — спросила Зина. — Приди в себя, мать! Прекрати стонать! Что сделано — то сделано! Владимира не вернешь! Верь теперь в чудо! Молчать! Я сказала!

— У палатки с бывшей «Млековитой»...¹⁷ — сквозь слезы проговорила кондукторша. — Не успеем... А-а-а-а...

Зина остановила трамвай.

— Иди сюда, что покажу... — железной рукой подняла с пола коллегу Зинаида. — Не успеем, блин.

Та подошла к кабине.

— Смотри! — Вожатая подняла красную крышку на торпеду, а под ней — кнопки, датчики, все светилось и мигало.

— Это че? — поинтересовалась кондукторша, утирая сопли с носа.

— Через левое плечо! Очнись от горя, мать, твою мать! Это ноу-хау! Еще до китайцев и меня, Никаноровна электромотор турбировала — страсть как любила по ночному городу погонять, божий одуван. А после я довела до ума систему. Благо с авиадеталлями не было проблем по старым связям.

— И че?

— Руль на правое плечо! Понятно объяснила? Увидишь! — Зина включила тумблеры один за другим, лампочки на панно ожили, рев двигателя нарастал.

— Отключить сотовые телефоны! Держитесь! Взлетаем! — объявила Зина.

Трамвай стал стремительно набирать скорость. Ехавших вдавило в сиденья. Кондукторша двумя руками вцепилась в турникеты и, извиняясь, рассказывала своим уже перепуганным ртом:

¹⁶ Название сигарет «LD» является сокращением от названия табачной фабрики «Лиггетт-Дукат», основанной в 1891 году в Москве.

¹⁷ Млековита — компания по производству молочных продуктов, базирующаяся в городе Высокое Мазовецкое на северо-востоке Польши.

— Зиночка в наше депо из летной эскадрильи пришла... лет пятнадцать назад. Она на Су летала — испытывала. Ту, Су. Потом забеременела от начальника интендантской службы, ее списали — женатый, оказался. Пожалуйста, не волнуйтесь! А-а-а-а-а!

Пассажиры вцепились в поручни и друг в друга. Вагон полетел по городу так, что «Сапсан» завидовал! У Марии Александровны кровь пошла ухом.

— Это от перегрузок, это не страшно, это пройдет. — успокаивала старушку подползшая к ней по проходу кондукторша — промокнула участливо бабушкину кровь мятыми трамвайными билетами.

— Это ничего, спасибо, внучка, бабушка и не в такие передряги попадала, — бормотала Мария Александровна, закатив глаза.

Наконец скорость стала спадать. Все вздохнули с облегчением.

— Вот он! — победно вскрикнула Зина.

Попутчики сгрудились у кабины пилота. Через ветровое стекло было видно, как дворничихи катали волосатого мужика в детской коляске для двойни. Неслись, как черти, по тротуару вдоль трамвайной линии и смеялись, аж заливались!

Зина обогнала трамваем веселую компанию метров на двести и, затормозив, открыла двери. Хмурые пассажиры высыпали из вагона и перегородили дорогу веселью. Вышли Зина и кондукторша с бутылкой «Зубровки» на расписном хохломой подносе.

— Где надыбала поднос? — через зубы спросила Зина, кивнув на хохлому.

— На неделе забыли в вагоне. Еще не спрашивали. Вот и пригодился, — прошипела кондукторша.

Дворничихи, заметив толпу, с разбегу начали тормозить. Медленно подошли к перегородившей дорогу торжественной процессии, толкая впереди себя «дворняжный» транспорт.

Зина подняла руку:

— Стоп, земляки!

Мужик бросил взор на Зину, на поднос с «Зубровкой», кондукторшу. Обернулся к дворничихам.

— Что я вам говорил? Хлебом-солью будут встречать! Говорил же? А? — залихватски спросил он.

Дворничихи, переглянувшись, кивнули ему и друг дружке.

Кондукторша плаксиво затынула:

— Ай-ай-ай, наш батюшка! Не вели казнить, позволь слово молвить! Неразумные, пред тобою стоим. Все пророчества твоя посбывались! С лыжниками повстречались, мэры падали на рельсы, как осиный лист, а над городом звучал проклятый рэп! Ты прости пассажиров незрячих своих, что не сразу в тебе распозналися, а ты чуда свершаешь мгновенные, и теперь пред тобою мы каемся, и волосья мы рвем изо всяких мест: из подмышек, с голов, гениталиев — режь язык мой за мысли о Шарике! Во спасение и для прощения... Уж прими ты от нас сей подарочек, не побрезгуй бутылочкой дареной!

И с глубоким поклоном протянула расписной поднос с бутылкой «Зубровки». Глубоко поклонились в пояс и все пассажиры. Мужик вылез из детской коляски, оглядел поднос в руках кондукторши, поднял с него бутылку, вскрыл зубами алюминиевую крышку и отпил пару глотков. Поморщился. Хрюкнул. Запрокинув емкость, глотнул еще.

— Прощены! Зовите меня, как сами хотите, — хоть Святым Пьяницей. Мне понравилось. Или коротко — дядя Паша. Так и быть, спасу вас. Было хотел только этих, — кивнул на дворничих, снова сделал глоток из бутылки. — Ну... и вас скопом. Уговорили. Кстати, сейчас тебе позвонят, Зин, и прикажут вернуться в депо.

В кармане Зининой оранжевой куртки зазвонил телефон. Она ответила:

— Алло... да, это Зинаида... на «Млековите».

Зыркнула на дядю Пашу — глаза ее округлились.

— Приказали вернуть в депо трамвай. С сегодняшнего утра я уволена — железные пути разбирают, шпалы пилят, электростолбы валят...

Дядя Паша хлопнул в ладоши:

— Вот он! Последний день! Тьма вышла на охоту! Устала ждать и притворяться светом! Дай сюда телефон, Зинаида.

Зина отдала мобильник дяде Паше, и тот разбил его о чугунное колесо трамвая.

— Все! Рубикон перейден! Кто со мной — тот спасен. Кто не со мной — тот будет. Кондукторша меня понимает, — подмигнул женщине. — Граждане пассажиры, принимайте решение прямо сейчас!

Зина зычно возвестила:

— Трамвай сообщением маршрут номер восемь отправляется через одну минуту! Провожающих просим покинуть вагон!

Треть от трети пассажиров загрузилась обратно. Баба Катря и Феруза тоже залезли с колясками и метлами. Остальные остались в нерешительности топтаться на остановке. Электрическая машина дернулась. Провожающие замахали отъезжающему транспорту белыми платочками.

— Дорогие мои! Мы рады приветствовать вас на борту замечательного, времен «оттепели» в СССР, лайнера «Tatra T2SU»! — заговорила глубоко проникновенным голосом Зина по селекторной связи. — Нам приятно, что вы воспользовались услугами расформированного МКП¹⁸ «КаГорТранс», и в благодарность за приверженность нашей компании мы объявляем день открытых дверей! Проезд в нашем комфортабельном трамвае сегодня и до конца света абсолютно бесплатный! Кондуктор уже раздает все принятые деньги обратно. Экипаж нашего корабля приложит все усилия к тому, чтобы поездка врезалась в память каждого пассажира на всю его оставшуюся жизнь!

Кондукторша пошла по салону, раздавая из мощны мелочь направо и налево, словно хлебобоб-сеятель.

— Хорошо сказала! — подивился дядя Паша и поклонился ей. — Вот можем же, друзья? Если захотим!

Зина крикнула в микрофон громкой связи:

— Куда ехать-то, дядь Паш?

Святой Пьяница прикончил «Зубровку», крякнул, закинул стеклотару под сиденья.

— По часовой стрелке, Зин, по часовой! И не останавливайся. Притормаживай, двери открывай — кто заскочит, тот спасен. Держи скорость проваливания льда на Ладожском озере¹⁹ — тридцать пять километров в час. Что делать дальше — будем посмотреть. Глядишь — притопим... Или... Не парься! Ты меня поняла?

— Хорошо, босс! Еще как поняла! — проговорила Зина.

Дядя Паша разбирал пакеты со спиртным, купленным кондукторшей.

— О! И пиво! И «Агдам»! «Столичная». Зачет! — ласково засмотрелся на кондукторшу дядька. — Волуша передает тебе привет с того света, говорит: «Горжусь тобой, бусинка».

Лицо кондукторши вдруг посинело, будто она только что заглянула в преисподнюю. Она зажала рот руками, ноги ее подкосились, и она села в проходе — на хряпящего мэра.

¹⁸ Муниципальное коммерческое предприятие.

¹⁹ 35 километров в час — недопустимая скорость движения по льду Ладоги во время эвакуации из блокадного Ленинграда. При движении с этой скоростью вибрации автомобиля создавали гидроудар, который ломал лед.

Озабоченная Зина посмотрела в зеркало заднего вида:

— Дядь Паш, что происходит?

— Ничего, ничего, Зин, в первый раз всегда так происходит. При встрече с inferнальным миром. Натрите ей виски «Перцовкой». Пройдет.

Пассажиры принялись натирать кондуктрису настойкой, и она заговорила:

— Волушины слова. Располнела я после родов до ста десяти килограммов, а он называл меня бусинкой! Да-да. Ни единая душа об этом не знала. Я сковородкой его огрела чегунявой. Думала, смеется надо мной, оскорбляет! Чуть не убила... А он любил меня, оказалось, даже если я — центнер! Знайте все — прощения мне нет и не будет на этом свете! За дядей Пашей пойду — он меня из тьмы выведет и к Володеньке моему приведет, — лепетала женщина.

Дядя Паша тем временем перемешал все спиртное по собственному умению.

— Из этих прекрасных ингредиентов, любезно предоставленных нам экипажем, приготовил я, братья и сестры, коктейли. Окормлю ими! Рецепты ведь, друзья, пишутся сплошь святыми! О, этот сказочный мир технологов-рецептологов — заслушаешься мастеров! Благородного, знатного в переводе с древнегреческого Евгения или Анатолия — восход-солнышко! А рецепты трех Василиев — голова кругом идет и дыхание спирает, ровно от стакана медицинского спирта! Пил кто чистый спирт? Нет? Вот уж учителя! Вот же племя! — бормотал дядя Паша, разливая в одноразовые стаканчики мутноватую жидкость. — У всех полно?

— Да! Да! — прокричали пассажиры хором.

Дядя Паша прокашлялся. Поднял стаканчик и басом, растягивая слоги, как на церковной службе, возвестил тост через «Так вот»:

— И сказал святой Венедикт на горе Мытищинской: «Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не ошибиться в рецептах...»²⁰ Аминь.

Выпили все. И повеселели! Подобрели! А оттого стали красивыми...

ЧАСТЬ 3

По городу петлей ходил трамвай восьмого маршрута. На остановках притормаживал, и те, кто желал, на ходу выскакивали из вагона, а кто хотел — вскакивали в него.

А между тем тучи сгустились над электрическим транспортным средством: из припаркованной у тротуара машины ДПС по радиосвязи раздалось трескучее сообщение:

— Всем постам, всем постам! Угон трамвая! Повторяю — угон трамвая! Поступило заявление от руководства трамвайного депо! С сегодняшнего дня трамвайное сообщение в городе Ка — вне закона! Вне закона! Угнан трамвай номер восемь! Повторяю — трамвай номер восемь! Связи с вагоновожатой нет. По версии следствия — трамвай захвачен! Пассажиры взяты в заложники! Необходимо пресечь перемещение незаконного транспортного средства во что бы то ни стало! Во что бы то ни стало! Соблюдать меры предосторожности — в вагоне граждане! Повторяю — в вагоне протые пассажиры!

* * *

Трамвайный разворот на аллее Смелых. Перед мостом напротив мяскокомбината полицейские дорожно-патрульной службы перекрыли автомобильное движение, перегородив пути двумя мусорными тягачами, а сами с пистолетами наизготовку спрятались за ними в ожидании угонщиков. Дядя Паша еще издали почувствовал засаду. Так и сказал:

²⁰ Из поэмы Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки».

— Чуйка меня не обманывает — ждут нас, Зина! Сбавь скорость, не тарань, но и не останавливайся.

— Что делать-то будем, дядя Паша? — спросила Зина.

— Импровизировать. В заложники тебя возьму — пойдешь? — хихикнул он.

— Ну, раз замуж никто не зовет — пойду! — рассмеялась Зина. — Цветы будут?

— Роза, — почесал бороду дядя Паша.

— Обожаю! — ответила Зина. — Дядь Паш, у тебя выдержка летчика-истребителя!

Дядя Паша потрепал вагоновожатую по волосам:

— Истребители и выдержка? Ты смеешься надо мной, Зин! Тебя же саму истребили. Где ты? А где голубые небеса? Истребители — не вино, коньяк и не виски, которым нужна выдержка. Они — безудержные. Пару годков назад «был на именинах. Там случился забавный случай. Один гость пукнул. Все смутились, а я — нет!»²¹ — вот что значит выдержка, понимаешь, Зин?

— Теперь да... — задумчиво произнесла Зина.

Мужчина выловил из-под сиденья катающуюся по полу бутылку, схватил ее за горлышко.

— А теперь включи репродуктор на крыше вагона!

Полицейские при приближении трамвая разглядели через лобовое стекло, как дядя Паша взял в одну руку микрофон, а второй разбил пол-литровую стеклотару о железную приборную доску и поднес «розочку» к шее вагоновожатой.

— Товарищи! — ораторствовал дядя Паша. — Еще пару десятков лет назад все мы были товарищами, а вы милиционерами! Товарищи полицейские! Просьба освободить трамвайные пути от мусорного автотранспорта, и совесть ни единого не пострадает сегодня! Повторяю: совесть ни единого не пострадает сегодня! Трамвай идет без тормозов! Повторяю! Без тормозов! Обеспечьте беспрепятственное прохождение вагону по его родным рельсам! В этом случае все пассажиры останутся в бодром здравии, а я, дядя Паша, освобожу одного из тех, который захочет. Никого не держу, блин! Полковник Васнецов! На вашей даче в СНТ «Сокольники» у моря прямо в этот самый момент из искры возгорелась баня! Специально для полковника Васнецова! Возгорание бани! Прием! Товарищ полковник, срочно! Займитесь тушением бани! Пламя банит²² баню! Прием?

Полковник Васнецов кому-то позвонил. Держа трубку у уха, побежал к КамАЗам с «кесками»²³ на раме, семафоря им руками: мол, уезжайте! Уезжайте! Уезжайте! Сам же уселся в служебный «лексус» со спецсигналами и со «спецвоем» упылил от мясокомбината. Тягачи съехали с рельсов — путь был свободен. Дядя Паша опустил руку со стеклянным цветком от шеи Зинаиды и обернулся в салон трамвая.

— Кто-то желает сойти на остановке «Мясокомбинат»? — спросил он.

— Я! Я хочу! — подняла руку молодая белокурая женщина, похожая на Надю из кинофильма «С легким паром!». — Мне на работу пора. Я опаздываю!

Двери вагона распахнулись, и женщина выпрыгнула на тихом ходу. Но подвернула ногу на высоком каблуке и упала на тротуарную плитку, порвав колготки ниже правого колена. К красивой пострадавшей подбежали двое вежливых сотрудников ГИБДД, усадили на заднее сиденье патрульной машины и довели к месту работы. В благодарность она назвала им номер своего мобильного телефона.

²¹ Евгений Попов. «Плешивый мальчик. Проза Р. С.».

²² Происходит от английского ban — запрет. Банить или забанить — это значит запретить пользователю доступ к ресурсу, лишить его права комментировать материалы и т. п. Синонимы: блокировать, запрещать доступ.

²³ Емкости для бытового мусора, выпускаемые немецкой фирмой «Keske».

Выйдя из машины ДПС, женщина на высоких шпильках, торопливо прихрамывая, подошла ко входу в административное здание с вывеской «Мэрия». Вбежала в вестибюль, косясь на огромные настенные часы — на часах семь пятьдесят пять, а в холле полицейская охрана, гардеробная и два лифта. Женщина улыбнулась полицейскому охраннику, тяжело дыша и кокетничая:

— Слава богу, успела. Бежала. Трамваи у нас теперь разворачиваются прямо по траве и не везут в центр. Ужас какой! Что происходит?

— Трамваи с восьмью ноль-ноль — вне закона. По всей территории Ка. Отныне проезд в трамваях — преступление, — чеканил слова симпатичный полицейский. — От шести до десяти... лет.

Белокурая женщина удивленно вскинула брови и с интересом глянула на молоденького охранника.

— Надо же — как за убийство? Господь, видно, уберег! До восьми из вагона выскочила... Спасибо! Всегда восхищалась юридически грамотными людьми. У меня накопилось столько вопросов к ним. Жуть! Может, вы... как-нибудь... проконсультируете меня? — проговорила она, оглаживая мятую прозрачную блузку на талии.

— С превеликим интересом... — ответил полицейский, оглядывая линии талии под мятой блузкой женщины.

Тем временем женщина уже протягивала плащ пожилой гардеробщице с заплаканными глазами.

— Теть Клава, а что у вас опять глаза на мокром месте? Илюшу снова посадили? — спросила она участливо.

Теть Клава повесила легкое пальто на плечики и вернулась с пластмассовым номерком, протянула его белокурой женщине и, борясь с приступами рыданий, замахала ладошкой перед своим лицом.

— С Илюшей все в порядке, Светочка. Второй месяц котик в завязке. По Икар Оскаровичу плачу... — показала пальцем в центр зала между двумя лифтами.

— А что случилось? — удивленно приложила ладошки к щекам Светлана.

— Помер, соколик... — вконец расплакалась тетя Клава.

В холле на постаменте, драпированном бархатом цвета спелого граната, стояла золотая рама, а в ней фотография Икара Оскаровича с черной ленточкой наискосок. Пьедестал был завален алыми розами на метровых стеблях.

Светлана разглядывала свои туфли и бормотала:

— А я и цветов не купила...

— Так и я без букета, — сокрушалась гардеробщица. — Прямо неудобно перед Икар Оскаровичем. Пришла в пять утра кабинеты мыть, а он уже в розах! Когда успел? Ночью, что ли, помер?

Светлана сняла по очереди туфли, рассматривала каблук — на каблуках были сколы, а на красной подошве зеленели свежие глубокие порезы.

— И лабутенам моим пипец...²⁴ то-то еще будет... — прошептала она.

Надела обувь, а на глаза навернулись слезы. От стойки гардеробной медленно подошла к постаменту, склонилась над ним, поцеловала фотографию мэра в ленточку наискосок и перекрестилась три раза. Постояла минуту. Сделала селфи на фоне траурной композиции. С третьего раза получилось красиво — со слезинкой печальной на реснице.

Лифт поднял Светлану на третий этаж. Она открыла ключом кабинет с табличкой «Архитектурный надзор. Специалист I категории Карнаухова С. С.». Села за стол и разулась. Бережно поставив лабутены за оконные шторы со словами «Кто мне за

²⁴ Конец (сленг).

них заплатит?», надела мягкие, как домашние тапочки, мокасины. Включила компьютер. Рассматривая странички в Интернете, выписывала номера телефонов. Думала. Крутя белокурый локон на указательном пальце... И наконец позвонила.

— Алло, это телекомпания «АрТиВиОй»? Отлично! Могу я поговорить с главным редактором новостных программ Эверестом Борисовичем Молчановым? Специалист первой категории Карнаухова Светлана Сергеевна, архитектурный надзор. Если что! Эверест Борисович? Здравствуйте! Боже, какой голос! Я владею ценной информацией. Это новостная бомба...

ЧАСТЬ 4

На остановке «Фестивальная аллея» трамвая дожидалась съемочная группа одного из первейших телевизионных каналов. Молодой репортер работал на камеру напористо и агрессивно.

— Я, Олег Скобкин, а это самые последние новости канала «АрТиВиОй» из самого западного региона! Тема сегодняшнего дня в городе Ка — угон трамвая номер восемь! По мнению нашего проверенного источника, он может быть захвачен религиозными фанатиками, которые уверовали в то, что, цитирую: «Трамваи крутят нашу планету вокруг собственной оси». С раннего утра транспортное средство без остановок следует по своему маршруту, напоминающему о символе бесконечности, притормаживая всякий раз только на Фестивальной аллее. И неудивительно! Только в этом месте можно приобрести крепкие алкогольные напитки ранним утром, ибо, согласно городскому закону Ка, «торговля спиртными напитками ограничена во времени с одиннадцати и до двадцати одного часов вечера». Куда смотрят местные власти? Почему молчит общественность? Рядом школы и детские сады! Как такое может происходить, остается для нас загадкой! Однако вернемся к нашему трамваю. Сектанты удерживают группу пенсионеров без предъявления требований, но мы наверняка и почти достоверно предполагаем, что, очевидно и скорее всего, они же и повинны в смертельном наезде на последнего мэра города Ка, выпавшего из окна собственной квартиры с двадцать второго этажа, повредившего муниципальные рекламные растяжки, что нанесло департаменту связи с общественностью мэрии мегаполиса значительный имиджевый ущерб. Предводитель этой компании, так называемый дядя Паша, величает себя пророком и Святым Пьяницей. Ха! Ха! Ха! Мы еще не получили подтверждения сведений о святости этого российского гражданина из профильных православных источников, но нам почему-то доподлинно кажется, что именно он, своими предсказаниями и пророчествами одурманив экипаж, направил муниципальный трамвай — транспортное средство, кстати запрещенное с сегодняшнего утра на всей территории Ка! — на выпавшего из оконного проема пентхауса всенародно избранного и любимого всеми горожанами мэра и хладнокровно переехал многотонным вагоном беззащитное тело, втащил окровавленные части его в кабину угнанной муниципальной электромашинки. Дьявольское стечение обстоятельств! Фатальная встреча холодного железного трамвая и теплой человеческой плоти. Минутой бы раньше или позже — мэр, возможно, был бы еще жив! Прямо в эти мгновения моего безудержного стрима жестокий дядя Паша, находясь в трамвае (транспортном средстве, запрещенном на территории Ка), удерживает в стокгольмских цепях десятки наших соотечественников, добропорядочных граждан, наводя на их души леденящий ужас. Страшный, чудовищный человек, дядя Паша — это русский бен-Ладен. Мы видим, как трамвай номер восемь приближается к остановке. Замедляет ход... — Журналист бежит рядом с трамваем (комментирует). — Транспортное средство, запрещенное на территории Ка, не останавливается. Снимай,

снимай, — командует Скобкин оператору, — окна снимай! Передние двери открылись... Из дверей выскочила старушка и засеменила в магазин «Сова». — Журналист прижал наушник к правому уху. — Мне сообщают из студии, что личность старушки установлена — это Мария Александровна Герц, девяносто восемь лет, физик-атомщик в прошлом, работала еще в «шарашке» с Королевым... Отсидела пятнадцать лет на пляжах Индигирки и Колымы за антисоветскую пропаганду и шпионскую деятельность в пользу разведок Эритреи и Мозамбика — двойной агент. Движение железной машины продолжает замедляться. Я попытаюсь взять интервью через открытую дверь у пассажиров салона. Главного террориста я не вижу через окна, возможно, он прикрывается дохлыми телами заложников.

Олег Скобкин протягивал микрофон в сторону открытой двери вагона:

— Вы можете прокомментировать слухи о вашем захвате в заложники религиозной сектой дяди Паши? Дядя Паша — это имя вам что-нибудь говорит? Дядя Паша пытал вас электрическим током? Вставлял бутылки из-под «Советского» шампанского в физиологические отверстия? Или стеклотара была другая? Тогда сразу вопросы: «Что за напиток? Страна — производитель? Из-под слабых или сильных алкогольных напитков?» Расскажите зрителям нашего телеканала — это им ой как интересно! — Скобкин поворачивается к камере: — Я обращался к вагонуводоителю. Она не ответила. Возможно, оккупанты вагона запретили ей разговаривать со свободной прессой. Но вот от ларька выбегает милейшая Мария Александровна — в руках у нее четыре «Зубровки» и одна «Просекко»! О-о-о! — Журналист шипит оператору: — Бабку снимай! И бутылки! Бутылки! Бабушка, а вам можно «Зубровку»? По сведениям вашей медицинской карты, мы точно знаем, что у вас артрит, артроз, аритмия... Мария Александровна, скажите хотя бы пару слов телеканалу «АрТиВиОй» — как с вами обращаются захватчики? Что вы чувствуете под дулом пистолета у виска? Стокгольмский синдром — какой он? Вас били кувалдой? Куда? Есть ли жертвы в вагоне? Если да, то кто и сколько? Они отрезали вам головы? На террористах пояса шахидов? А на вас взрывчатку надели?

Старушка, пробегая мимо корреспондента, не смогла смолчать:

— Я таких крыс, как ты, на дубовом паркете жарила и клеем обоевым запивала в блокадном Ленинграде! Своим передай, что конец света для них пришел! А мы — в рай!

Из дверного проема вагона подружке уже протягивала руку Римма Андреевна, и Мария Александровна, схватившись за ее ладошку, заскочила в трамвай.

— Маша, кто обидел? На тебе лица нет! — Римма оглядела компаньонку взволнованно.

— Да тот, с микрофоном — перепутал меня с тобой... — задыхаясь от гнева, проговорила Мария Александровна.

— Ах ты ж, гадский гад! — расслышав только четыре первых слова из ответа, воскликнула Римма Андреевна.

Затащив подружку в вагон, она прыгнула с подножки и подбежала к журналисту, который вальяжно стоял с мохнатым микрофоном в руке, широко расставив ноги, на тротуаре и искрил новой бабушке приветливой улыбкой. Бабушка подсобрала до колен длинную крепдешиную²⁵ юбку и ударила правым острым коленом корреспондента в пах. Тот, скорчившись от боли, осел на землю.

Старушка догнала вагон, двери закрылись, пассажиры встретили отважную женщину аплодисментами, трамвай набирал крейсерскую скорость.

Журналист с глазами больной промежности провожал удаляющуюся железную машину и выл:

²⁵ Крепдешин — вид шелковой креповой ткани с умеренным блеском, плотной и относительно тонкой.

Одна из самых распространенных шелковых тканей в СССР начиная с 1952 года.

- Ничего не понимаю... Камеру выключи, осел! Все записал? Это же прямой эфир... А оператор гоготал:
- Стонешь, как будто у тебя Фаберже между ног. Красиво же, братан!
- Я тебе не брат, идиот!
- Ну и иди тогда на фиг... Не брат!

* * *

Трамвай несся с бешеной скоростью по городу. Пассажирка Анна Ивановна, воспитатель и преподаватель музыки, со своим подопечным Сашей Пистолетовым сидели в середине вагона. На коленях у Саши лежал футляр со скрипкой. Учительница ежеминутно нашептывала Саше в самое ухо наставления. Саша, отвернувшись, смотрел в окно и, не оборачиваясь, отвечал женщине:

— Да, Анна Ивановна. Я понял, Анна Ивановна. Больше не буду, Анна Ивановна. Это было нечаянно, Анна Ивановна. Я готов к конкурсу, Анна Ивановна. Но я же имею право поиграть в футбол с ребятами во дворе? Нет, я не сломаю руку, Анна Ивановна: в футбол играют ногами...

Мальчик Саша вдруг вскочил с сиденья и, тыча пальцем в стекло, завизжал от восторга:

— Телепузики! Телепузики! Видите? Видите?! Анна Ивановна?! Настоящие! Они есть! Вы мне не верили!

— Неприлично показывать пальцем, Александр! — укоризненно произнесла Анна Ивановна.

Но Саша, уже не слушая ее, с упоением и взхлеб рассказывал всем пассажирам о телепузиках:

— Тот, что фиолетового цвета и с треугольной антенной на голове, — это Тинки-Винки! У него еще красная сумка должна быть, а не эта пластмассовая штуковина. Зеленый в черно-белом пушистом цилиндре — Дипси. Желтый с мячиком — Ляля, а красная на самокате — По! Я помню их всех! Я их обожаю! Мы с мамой смотрели все-все передачи по телевизору! Тогда, когда мама еще не уходила от меня...

Саша вдруг осекся, уселся обратно на сиденье трамвая и беззвучно заплакал в ладошки. Анна Ивановна оглядела вагон, как бы извиняясь, и стала ласково, по-женски, оглаживать кудрявые волосы мальчика своею мягкой, теплой рукой. Собственно, для того Господь и придумал женщин. Чтоб оглаживать мужчин.

А из окон было видно, что наперерез трамваю бегут плюшевые куклы в человеческий рост в смешных разноцветных костюмах. У фиолетового под мышкой торчал бампер от черного автомобиля, зеленый был в пушистом цилиндре, желтый с большим мячом, красный мчал на самокате. За телепузиками гнались два армянина — один пузатый и мускулистый, второй лысый, высокий и жилистый, он держался за голову правой рукой. Оба в белых расстегнутых рубашках, христиане — на волосатых грудных клетках обоих подпрыгивали золотые кресты размером с ладонь, на толстых цепочках. Вслед за армянами, но несколько отстав, догонял отряд русской полиции из трех сержантов с резиновыми палками в руках, словно это были сабли. У одного из стражей порядка на плече болталась красная женская сумка.

Две столетние девы следили за происходящим на улице. Римма Андреевна ахнула от восхищения:

— Кавказские мужчины, Маш, — это что-то! Безобразные, как орангутанги, но посмотри, сколько страсти в глазах, сколько ярости и страсти!

Мария Александровна чокнулась с Риммой Андреевной пластиковым стаканчиком и, как всегда, очень громко заговорила в ответ на реплику подружки:

— Ты, как выпьешь, Римма, начинаешь сама говорить по-человечески, а не по-орангутангски — сколько тебя знаю, столько тобою и поражаюсь. Риммочка, тебе надо чаще пить! И ты ничего не знаешь о ярости и страсти! Летом тысяча девятьсот сорок седьмого года, Риммуля, в военном госпитале близ городка Розуэлл, что в штате Нью-Мексико, я ассистировала при вскрытии одного из пяти сбитых американцами пришельцев. Мужчина, кстати. Так-то вот...

Римма Андреевна поразилась:

— Ты что? Голого инопланетянина видела?

— Видела. Хирург отсек скальпелем его гениталии и передал мне!

Римма ошеломленно выдохнула:

— И ты взяла?

— Да, Риммочка! А куда мне было деваться? Приняла. И он шевелился в моей руке, точно червяк в твоём огороде, рассеченный лопатой. Он жил отдельной жизнью от хозяина! Никогда не забуду тот взгляд одноглазой змеи, извивающейся в моей пятерне. Он был прямым. Честным. И грустным. Он не обещал ничего, кроме телесного удовольствия. Зато искренне. Он мне подмигнул, Риммусь! Ты знаешь, я даже разглядела его ресницы — густые и иссиня-черные, как у испанцев... Или цыган... Мохнатый шмель. Только не жужжал. Еще бы минута такого гипноза, и я бы забыла про своего Федюнечку. Спасибо, у меня отобрали часть тела пришельца. А для чего я это все говорила?.. А-а! Вот где была страсть, Римма Андреевна! Вот где была ярость! А не в тех барыгах за окном чешского трамвая! Те — понторезы и тиктокеры, а ты — создательница мифа о уже не существующих кавказских мужчинах. Что? Опять обидишься? Сломала картинку мира почитательнице волосатых кожных покровов?

— Вот же гадюка! Гадюкой была, гадюкой и помрешь, Марь Санна! И молчала столько лет о пришельцах... — искренне обиделась Римма.

— Подписки о неразглашении давала. И не один раз. Сама со счета сбилась сколько. Запуталась. Но сегодня срок давности истек. На все. На все тайны. Тебе первой рассказываю — цени, Риммочка, а не обесценивай нашу дружбу. Хотя... я уже и к этому привыкла. Валяй, подруга!

— И я привыкла... Прости меня, Маш. Ты меня еще не разлюбила? Скажи?

— Дура ты, Римка! — Маша обняла и поцеловала ее в лоб и в обе щеки и залпом выпили коктейль дяди Паши.

— Инопланетяне прям, а не бабки. Охота ж была всякую заразу руками трогать? — Старшая дворничиха баба Катря покачала головой, слушая старух.

Молодая ее напарница прыснула в кулачок:

— Чья б корова мычала? Дворничихи мы, забыла? По помойкам всякую гадость руками месим. Каждый день. Лучше уж, как она: скальпель, ресницы на члене и городок Розуэлл в штате Нью-Мексико...

— Тормози, тормози! Прими! — приказал дядя Паша Зине.

Зина нажала на тормоза — телепузики подбежали к вагону.

— Зинаида! Двери! — приказал дядя Паша.

— Есть двери! — засмеялась Зина по селекторной связи, на ходу открывая их.

Старшая дворничиха осенила себя крестом:

— Товарищи, может, не надо? Что-то мне боязно. Алкаши, урки — не боюсь. Они мне понятны. Живу с ними. А тут... Вроде и употребляете наше, народное, а разговоры инопланетные ведутся! Страшно становится. Мы не знаем, что это такое, если бы мы знали, что это такое, а мы не знаем, что это такое!²⁶ Теперь вот телепузики какие-то. Рука так и тянется донос написать куда-нибудь.

²⁶ Мем, отрывок из сюжета телеканала «Тульский-1»: «Тульскую область атакуют снежные блохи». Источник: <https://vsekidki.ru/479-my-ne-znaem-cto-eto-takoe.html>.

— Надо, бабка, надо! — ответил ей дядя Паша. — Совсем страшно станет — сойди. Просто сойди. Только, сдается мне, не сойдешь.

— Да не хочу я! Настолько все душевно тут, у вас! По-домашнему!²⁷ Но страшно, дядь Паш!

— Это панические атаки, женщина. Вы не одиноки. Сама ими измучилась. Только, знаете ли, я уже и не ведаю, где безумнее — с атаками здесь или за дверью трамвая, — проговорила учительница музыки.

В костюмах телепузиков оказались двое парней и две девушки. Они ввалились в последнюю дверь, помогая друг дружке, двери закрылись, и вагон стал вновь набирать скорость.

Преследователи остановились, потные от погони, поняли тщетность ее. Тяжело дыша, упершись руками в свои колени, согнулись, будто биатлонисты после эстафеты.

Юноши и девушки, разгоряченные, корча смешные рожицы загонщикам, громко и заливисто смеялись через заднее стекло трамвая.

Фиолетовый телепузик с бампером БМВ под мышкой обернулся к пассажирам:

— Спасибо вам, добрые трамвайные люди! Вы нас спасли! А то эти, — кивнул в сторону эстафетчиков, — загоняли бы нас до смерти...

— Что стряслось, пионеры? — поинтересовался дядя Паша у ребят.

Фиолетовый телепузик засунул черный бампер от Х5 под трамвайные сиденья:

— Сейчас я коротко представлю себя и моих друзей и все расскажу. А вы рассудите, правы мы были или нет. Итак, я Тинки-Винки. Тимофей мое настоящее имя. Выпускник Ярославского театрального училища, заводила, хохмач, бабник, говорят. Ненавижу слово «долг» и бегаю от военкомата. Правдолюб. Неискренность не переношу физиологически — она вызывает у меня рвотные позывы. Мечтаю сняться в оscarоносном фильме и прославиться на весь мир.

Представив себя, Тимофей поклонился трамвайной публике. Обернулся к зеленому телепузику.

— Это Димон — Дипси! Двадцать два года, студент технического вуза. Куча хвостов и неоплаченный семестр — ему грозит отчисление, потому как все свободное время он проводит в боксерском зале или спит. Здоров, накачан, упрям. Но с чувством юмора, любитель впрячься в авантюры, придуманные всеми нами. А еще не дурак подрасться. Дима кивнул.

Тимофей обнял за плечи желтого героя:

— Лола... — Лола сделала книксен. — Наша Ляля. Студентка экологического факультета, — улыбнулся Тимофей. — Любит собак и кошек. Соседу, мучившему котенка, сожгла балкон. После окончания универа мечтает работать в «Гринпис», спасти бездомных китов. Не любит ходить в джинсах. Платья, сарафаны, на ногах казаки. Летом не носит нижнего белья и ездит на велосипеде — женатые таксисты сходят с ума и нарушают правила дорожного движения!

— А это Полина... — Тима кивнул девушке в красном. — По. Девятнадцать лет. Фотограф, художник, начинающий писатель и блогер. Или блогерка? Как правильно, Полин?

По склонилась перед зрителями в глубоком реверансе, а Тимофею показала средний палец²⁸.

— Дикая, но очень милая обезьянка, — в отместку подколот Тимофей. — Автостопом проехала всю Европу. Задумала подсобрать денег и пуститься зайцем наутек на сухогрузе в Новый Свет.

²⁷ Интернет-мем, вирусное видео из влога на канале «Супермуж», дата опубликования 9 августа 2022 года.

²⁸ Средний палец, или фак (от англ. fuck), — неприличный жест, заключающийся в том, что средний палец вытягивается вверх или вниз, а остальные четыре пальца прижимаются к ладони.

— В нашей компании есть еще и пятый член. Его зовут Николай. Обычно он присоединяется к нам в самую трудную минуту — значит, она еще не настала. И это радует! Николая — это, можно сказать, наш пылесос Ну-Ну. Он окончил юрфак и уже работает помощником адвоката. Всегда выручает друзей. Близорук, носит очки, имеет второе израильское гражданство и не понимает наших шуток. Не обижаясь на них. Предан всем нам, но тайно влюблен в Лолу — ее фотография в синем бикини, скачанная из ВК, стоит заставкой на его смартфоне! Думает, что мы ни о чем не догадываемся... А мы такие догады!

И Тимофей принялся рассказывать историю, из-за которой за ними была устроена погоня...

Директор аниматорской фирмы Ара Георгиевич Бадалян был большим выдумщиком в деле задержки гонораров и изобретения предлогов для штрафов. А еще он очень любил смотреть телевизор и был в курсе всех последних политических, экономических и социальных процессов, происходящих в стране и мире. Лето. Жара. Каникулы. Ребята устроились к нему на работу с зарплатой по тридцать тысяч рублей. В месяц. Честно отпахали месяц на детских праздниках в кафе и ресторанах, открытиях магазинов и Дне города, раздали тонну рекламной полиграфии по улицам. Когда наступил день выплат, Ара Георгиевич приехал с охранником Гамлетом на своей БМВ. Достал блокнот из бардачка автомобиля и показал ребятам свои записи на армянском языке напротив каждой фамилии, после чего сам же и перевел написанное. Это были экономические санкции. Которые он ввел для каждого из них: за опоздания на работу и ранние уходы с нее, перекуры, жалобы детей, их родителей и т. п. И заплатил друзьям по пять тысяч. Прибавив, что отдает из своих, по доброте сердечной, потому как, по его расчетам, они ему остались еще и должны.

Молодые люди возмутились подобным обвинением, хотя бы потому, что ни один из них не курил. Мольбы, взывания к совести и справедливости, жалобы о том, что надо платить за взятый в кредит айфон, за семестр в университете, за съемную квартиру, не возымели никакого эффекта.

Ара Георгиевич цедил через зубы с кавказским акцентом:

— А кому сейчас легко? Кризис, санкции, белорусские мидии... — Потом поднял правый мизинец в небо и произнес с придыханием: — Волатильность²⁹, одним словом.

Ара умиротворяюще подавал надежду, но не зарплату. Уговаривал «подождать», «потерпеть», говорил про «вы держитесь» и про «еще чуть-чуть», а сам тем временем продолжал выскабливать из зубов застрявшие кусочки шашлыка длинным отполированным ногтем мизинца правой руки.

Палец в деснах произвел на телепузиков неизгладимое впечатление! Особенно на Дипси. Дима, который числился на экономическом факультете, хоть и не посещал занятия, но точно помнил, что «волатильность» — это изменение цены. А когда о ней заговорил работодатель с хребта Арарата, парень догадался, что свои жалкие, но честно заработанные тридцать тысяч рублей никто и никогда не получит. Будучи боксером, он обладал и боксерской логикой.

— Друзья... Я жил ожиданиями, которые превратились в моем сердце в сомнения... — начал было, но сразу перестал рассуждать Дима. — Вы как хотите, а я... — и аперкотом в челюсть вырубил охранника Гамлета, который сразу рухнул на землю.

Ну и понеслось! Ара побежал так быстро, что не догонишь. Тинки-Винки ухватился за бампер его автомобиля и зарычал, как лев, отрывая его. А вот Ляля догнала Ару, вцепилась в ненавистную рожу, как кошка, и начала его, это отвратительное кавказское лицо, расцарапывать!

²⁹ Волатильность (англ. volatility — изменчивость) — статистический финансовый показатель, характеризующий изменчивость цены на что-либо.

По, тем временем «пилила сторьку»³⁰ куликовского побоища и выкладывала в сеть происходящее со своего айфона...

Ара вырвался-таки из лап Ляли и припустил по улице, крича на бегу: «Милиция, милиция! Хулиганы зрения лишают!»³¹ Тимофей оторвал передний бампер БМВ Х5. Этой запчастью он последовательно разбил все стекла автомобиля. Пнул с досады все еще лежавшего в нокауте Гамлета, который от пинка пришел в себя и поднялся на ноги, держась за голову.

Потом за всей компанией помчался, вереща сиреной, белый «бобик» — УАЗ-«патриот». На переднем пассажирском сиденье Ара указывал правым мизинцем водителю-сержанту на убегающих в сады, к трамвайной линии, обидчиков-телепузиков. Орал в открытое окно: «Вон они, проклятые „навальнята“! От Араика Бадаляна еще никто не уходил!», а шофера просил, умолял: «Старшина-джан»³², быстрее можешь? Сделай приятное Араику — Араик не забудет, по-братски!» «Бобик» остановился, упершись в сады, и из него вывалились Ара, Гамлет и три служащих правопорядка. Они почти догнали телепузиков, которые уже еле передвигали ноги от усталости. Тинки-Винки развернулся и бросил в преследователей красную сумку со страшным криком: «Ложись!» Полицай и армяне, приняв телепузика за бомбиста, попадали на землю ниц. Взрыва не последовало... Ребята оторвались. Полицейские повытаскивали из ножен свои резиновые спецсредства и «поскакали» за телепузиками с палками наголо, словно буденновская конница. Один из бюджетных служащих сферы правопорядка подобрал женскую сумку в качестве вещдока, а из-за угла в это самое время вывернул восьмой трамвай и распахнул гостеприимные двери... Вот такие пироги... — выдохнул, закончив рассказ, Тимофей.

— Мда... — покачал головой дядя Паша. — Бампер зачем оторвал-то?

— А фиг его знает... Для компенсации украденной зарплаты, наверное. Сколько он может стоить? — ответил вопросом Тима.

— Тысяч двадцать. На «Авито» надо глянуть. Может, и больше, — проговорила старшая дворничиха баба Катря.

— Ну, если двадцать... пять тысяч добавить — и хватит на оплату Димкиного семестра. Слышишь, Дим? Неплохо! Значит, не зря оторвал, — довольно заулыбался Тимофей.

Вагон грохнулся от смеха, глядячи на довольного.

— Молодцы! Так им и надо! А-ха-ха-ха! А с сумкой-то, с сумкой как ловко получилось! А-ха-ха-ха! Ай, молодцы!

— Не сомневайтесь, ребята. «Правда за вами», — произнес дядя Паша, когда все отсмеялись. — Пассажирская общественность поддержала! Предлагаю дружить трамваями! Смотрю на вас, молодежь, и люблюсь. Ведь прямо сейчас, вашими руками, творится история! Эти ваши интернеты³³, «ютубы», «сторьки», «рилсы», «блоги», «влоги», «мемы»³⁴ — вот же она, задокументированная правда происходящего во време-

³⁰ Пилить сторьки (разг.) — записывать короткие видеостории.

³¹ Фраза из советской кинокомедии «Джентльмены удачи», снятой в 1971 году режиссером Александром Серым на киностудии «Мосфильм». Авторы сценария — Георгий Данелия и Виктория Токарева.

³² «Джан» — независимо от обращения (к мужчине или к женщине) в армянском чаще всего употребляется в значении «дорогой», «милый».

³³ «Эти ваши интернеты» — мем. Возник от частых высказываний людей (обычно пожилого возраста), которые считают, что все зло идет из Интернета, компьютера, игр и т. д.

³⁴ Мем (англ. meme) — единица значимой для культуры информации. Мемом является любая идея, символ, манера, ситуация или образ действия, осознанно или неосознанно передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов и т. д. Термин «мем» и его понимание были введены эволюционным биологом Ричардом Докинзом в 1976 году в книге

ни без прикрас! А как мы жили? Нам что напишут в «Правде» — в то и верили. Мда... И грамоте-то обучали, чтобы могли считывать ложь, напечатанную на бумаге. История как наука начинается с вас! С появления в ваших руках самого передового средства производства — смартфона! Все, что было до вашего поколения, — это не история. Это переписанная много-много раз в угоду каждому следующему режиму, до красоты криво склеенная «сторька», как вы говорите. Только современные «сторьки» удаляются через двадцать четыре часа автоматом, а провластные копролиты³⁵ каменели и бронзовели, превращаясь в бюсты у Кремлевской стены. История до вас — это изучение жизни и поступков в большинстве своем извращенцев и идиотов от власти с их безудержной страстью пошалить, хотя бы самую малость, с судьбами живых людей...

— Тихо всем! — крикнула Зина и переключила радио на громкую связь. Из репродукторов в салоне трамвая раздался голос радиоведущей:

— Срочная новость! Предсказания Святого Пьяницы из города Ка о конце света сбылись!!! По сообщениям в твиттере³⁶ одного из высокопоставленных сотрудников космического агентства НАСА, к Земле приближается огромный астероид, прогнозируемый ранее учеными, но не принятый во внимание! По расчетам аналитиков, космическое тело должно было пролетать на расстоянии шести миллионов километров от нашей планеты. Но что-то пошло не так. И в эту самую минуту тело приближается к нам! Скорость вращения нашей планеты вокруг своей оси замедлилась. Мы стали мишенью для космического удара. Не случилось ли это из-за отмены трамвайного движения?! Моему сыну три годика!.. — радиоведущая зашмыгала носом в эфире, голос ее задрожал. — Политики уже заговорили о новом вызове... Меня уже тошнит от «новых вызовов»... Мой сын в часе езды от меня по пробкам! Один! С сиделкой-узбечкой! Которой я плачу пятьсот долларов — на эти деньги она содержит мужа, ставшего инвалидом на подмосковной стройке, своих троих несовершеннолетних детей и престарелую мать в Бишкеке! Мой малыш сейчас без матери! Без меня! Потому что я здесь, в этой гребаной студии, с охеренной зарплатой, вчихляю³⁷ вам, дорогим моим радиослушателям и зрителям ютуба, повседневную ложь по выданной методичке! С... я! А не «яжемать»!³⁸ А можно навсегда увернуться от новых вызовов и следующих за ними ударов? Можно ли жить без потрясений? Я носила в себе мечту. Свое дитя. Девять месяцев. Ее отец ушел. Да и хрен с ним. Я ползала по полу от токсикоза заблеванная — знаю каждую дощечку в коридоре. Меня шивали после родов. Потом он болел — я лечила. Кормила, учила, жалела, успокаивала, читала сказки на ночь... И после всего того — он не со мной! Я собственноручно отдала его чужой женщине! Еще и плачу ей за это! Да что ж с нами происходит, бабы, коли мы своих кровинушек передаем сиделкам? И неважно, с акцентом ли они или с красным генеральским носом! — она разрыдалась... А прорыдавшись, собралась и продолжила новостную программу четким дикторским голосом.: — Я опять в эфире. Место падения астероида неизвестно и неотвратимо. Совет безопасности ООН созван на экстренное совещание. Отброшены все условности и вза-

---

«Эгоистичный ген». Докинз предложил идею о том, что вся значимая для культуры информация состоит из базовых единиц — мемов, точно так же как биологическая информация состоит из генов. И так же, как гены, мемы подвержены естественному отбору, мутации и искусственной селекции. На основе этой идеи Докинза возникла дисциплина меметика, в настоящее время имеющая спорный научный статус.

³⁵ Копролиты (от др.-греч. κόπρος — помет и λίθος — камень) — ископаемые окаменелые экскременты.

³⁶ Соцсеть запрещена на территории России.

³⁷ Вчихлять (разг.) — обманывать, «втюхивать», «впаривать».

³⁸ Термин «яжемать» появился относительно недавно, 5–8 лет назад. Обычно его используют по отношению к женщинам, которые, с точки зрения окружающих, слишком агрессивно защищают своих детей или требуют для себя особых привилегий из-за статуса матери.

имные упреки, прекращены все вооруженные конфликты. Власти стран в спешном порядке расконсервировали все имеющиеся в наличии трамваи, какие только можно было найти в собственных депо, и выгоняют их на старые маршруты, дабы увеличить скорость вращения нашей планеты, по примеру трамвая номер восемь из провинциального городка Ка. Но по мнению экспертов, времени ничуть не осталось. В крупнейших городах планеты уже царит паника. Люди в спешном порядке покидают насиженные места. Мегалополисы захлестнули беззаконие и мародерство. Мир на пороге вселенского хаоса и погибели. Трамвай номер восемь — это единственная надежда на спасение нашей цивилизации! Не останавливайтесь ни на секундочку, ребята! Богом прошу!

— Я ж предчувствовал катастрофу! — взволнованно вскричал в проходе проснувшийся мэр на чистом русском языке.

В репродукторе раздались вновь всхлипы, скрипы, и тот же голос радиоведущей, опять сквозь слезы и горловой спазм, произнес:

— Дядя Паша, миленький, спаси нас! — И эфир оборвался...

Пассажиры воззрились на Святого Пьяницу, а он на пассажиров.

— Ну вот и пробил наш час, братья и сестры мои... Кто-то еще не верит? — тихо спросил он. — Знаете, как я пришел к вере? Просто. Сейчас расскажу. Мне было лет двенадцать — переходный возраст. Мы во Фрянове жили... Дядька мой, дед Коля, в церкви служил еще при Союзе. Набожный, странный. Единственный, по его словам, кого батюшка не брезговал: «Миску со щами, бывало, несую, а тот любил, чтоб как кипятком и до самых краев с бугорком, а пальцы мои во шах полощутся. Ничего — ел...»

Я тогда смотрел на его пальцы — толстые, как сардельки, сведенные артритом, а под ногтями с пятикопеечные монеты³⁹ — черным-черно — и представлял эти ногти в супе. «Фу, какая гадость», — подумал я, меня аж передернуло. Дед Коля глядел на мое лицо и улыбался, причмокивая вставной челюстью:

— Ишь. И тебя выворачивает. Не веришь, поди.

Я замотал головой. А он и говорит:

— Сам посуди, Пашка, в церквушке я единственный и служка, и прихожанин. У батюшки руки ампутированы еще с магаданских лагерей: ироды, вывели его в поле крест из деревянных палок в сорокаградусный мороз держать — веру проверяли. Он и держал... Службу ведет — я от него по правое плечо стою. Он читает — я крещу его своей правой. Веришь?

— Верю теперь, — ответил тогда я.

Все поднялись со своих мест после слов дяди Паши. Мария Александровна и Римма Андреевна, кондукторша, старушка в маске, которая очнулась, обе дворничихи, Анна Ивановна, маленький Саша Пистолетов, Тимофей, Дима, Лола и Полина. Только мэр остался лежать в проходе с переломанными ногами, но и он поднял руку. Лица у всех — серьезные и решительные.

— Веди нас за собой, отец родной! — прошептала за всех кондуктриса.

— Пошли... — прошептал дядя Паша в ответ.

ЧАСТЬ 5

По трамвайным шпалам шагала молодая женщина. Зина сигнализировала ей звонком, похожим на школьный, чтобы убралась с рельсов, но та не реагировала. Шла себе, а длинная коса о попу билась. В такт шагам. Зина остановила трамвай, не доезжая пары метров до женщины, и высунулась наружу:

³⁹ Монета 5 копеек в СССР образца 1961 года имела в диаметре 25 миллиметров.

— Ты что — полоумная? Смерти ищешь?

Женщина обернулась на голос, а глаза ее были белые-белые.

— Мне в роддом надо. Воды отошли. Довезете?

Дядя Паша выскочил из вагона и упал на колени перед слепой беременной:

— Матушка! Все как в моем сне! Спасительница! Идем! — и под руку завел русую девушку в вагон.

Та обвела всех немигающим белым взглядом.

— Здравствуйте, добрые горожане! Здравствуйте, трамвайные люди! Меня Евой зовут! Бабушки, дворничихи, мэр со сломанными ногами, телепузики, мальчик Пистолетов... Вот ныне из кого апостолов выбирают? Занятно.

— Зиночка, жми! — попросил дядя Паша.

— Да куда жать-то, дядь Паш? В роддом рельсы вроде есть, а столбы электрические все уже спилили, — с обидой в голосе произнесла Зина.

— На аккумуляторах!

— Ну, с десятков километров проедем, а дальше? Толкать?

— Да что ж это такое, товарищи! Мы полдня мир от большого взрыва спасаем, да неужели ж силища русичей в нас не возгордится, али мы все пальцем деланы? — взорвалась кондукторша.

— Дело говорит констриктор! — поддержал Тимофей. — Мы эту «татру» на руках перенесем, если надо! Езжайте, Зинаида, тайными трамвайными тропами, а за нами не заржавеет!

Зина повела трамвай по заросшим травой и мхом рельсам, пока были мощи в аварийных аккумуляторах. Долго ли, коротко ли так ехали, но вагон все же остановился на подъеме: электрических сил не хватало. Телепузики, дядя Паша, кондукторша, все, кто поживее остальных, толкали вагон трамвайный по рельсам вверх. У Евы уже и схватки начались. Заорала благим матом, словно докер в порту:

— А-а-а-ть! Если б я только знала, как это больно, бабоньки!

Бабушки, запричитав, крутились вокруг нее, как наседки. Откуда-то нашлись и ванночка, и ведро с чистой водой, и простынка, которой отгородили Еву от внешнего мира.

Зина взмолилась перед «толкателями» трамвая:

— Ребятюшки, миленькие, вы только на горочку меня закатите, а с нее мы как на планере! Вмиг до перинатального долетим! Если рельсы еще не разобрали...

— Сделаем, Зин, ты только рули!

Уперлись, толкнули, а он, вагон, норовит обратно сползти. Устали, сил нет. Кирпичей под колеса подложили, разлеглись на траве — перекур.

— Да где ж Николай-то наш?.. — измученным голосом проговорила Лола.

И тут же явился пылесос Ну-Ну.

— Еле нашел вас, друзья! — обрадованный, глянул на Лолу. — Чего сидим? Стоп перекур! Подъем! Покатили!

И... стал двигать и двигать железную машину, ради Лолы, вверх, в горку. И вагон поддался ему. И ребята повскакивали с земли, и дядя Паша, и кондукторша, и как будто сил у всех прибавилось во сто крат. А Зина высовывалась из кабины и смеялась, подбадривала толкачей:

— Вы ж мои богатыри, вы ж мои орлики!

Мария Александровна и Римма Андреевна захлопали в ладоши, наблюдая за Николаем через стекло на задней площадке. Марь Санна, вытирая набежавшую слезу, обняла Римму Андреевну и произнесла, кивая на Николая:

— На Федюнечку-то нашего как похож, Римм?

— Правда, Маш... — произнесла ее растроганная подружка в ответ. — Прямо мурашки по коже.

Затолкали-таки «татру» на вершину холма!

— Ты мой герой! Ты приходишь тогда, когда нужен мне больше всего! Ты надежный! — Лола поцеловала Николая в губы, а тот от смущения опустил глаза. И незаметно вытер слезинку.

Зина выскочила из вагона и перевела путевые стрелки.

— Ну, с Богом! — произнесла она и перекрестилась ломом.

Села за приборную доску. Открыла красную крышку на панели, включила все кнопки и тумблеры. По громкой связи отдала приказ:

— Теперь главная я!!! Все заняли свои места! Пристегнули ремни! Форсаж?!

Кондукторша:

— Есть форсаж!

Зина:

— Закрылки?!

Кондукторша:

— Есть закрылки!

Зина:

— Бортовые огни?!

Кондукторша:

— Есть бортовые!

Двигатель «Татры T2SU» взревел и затрясся на остаточном электрическом топливе, будто прокачанная «мазерати»⁴⁰.

Кондукторша вышла в салон с микрофоном в руке и, как заправская стюардесса, зачитала инструкцию для пассажиров во время полета в трамвае:

— Дамы и господа! Мы рады приветствовать вас на борту нашего лайнера, носящего отныне имя великих русских технологов-рецептологов Евгения и Анатолия! Командир корабля, летчик-испытатель первого класса Зинаида Витольдовна Крант, бортпроводник — обер-кондуктриса Эмилия Студебеккер. Во время полета не рекомендуется подниматься из кресел и открывать форточки, санитарные пакеты находятся в кармашках впереди сидящих пассажиров. Желаем вам приятного полета!

Зина с умилением оглянулась на кондукторшу:

— Во дает! Я ее «мать» да «мать» кличу, а она... Эмилия!

С горки стало видно, как старые трамвайные пути, заросшие крапивой и кустарником, стало заволакивать густой хмарью⁴¹. Дядя Паша посмотрел сквозь лобовое стекло на стену тумана, схожего по цвету с глазами Евы.

— Вот ОНО. Накрывает землю-матушку... — прошептал он.

— Этого еще не хватало! А-а-а-а-т винта! Пое-е-е-е-е-ехали! — заорала Зина.

Трамвай тронулся медленно и плавно, а потом, пересилив холм, вмиг кивнул вниз с горы, и начались настоящие «американские горки». Пассажиры вопили! Кричали! Голосили! Горланили! Выли! Рыдали! Кто от страха, а кто от восторга. Кого-то рвало, один требовал открыть двери, другой бился об окна, как муха, свет в салоне загорался и гас, искрило, трясло, скрежетало, вагон наполнился дымом, и все одновременно подумали, что это и есть конец света! Трамвай, дребезжа, несся вниз, словно в пропасть. Пассажиры в ужасе вцепились в поручни и друг в друга.

⁴⁰ Maserati S. p. A. — итальянская компания, производитель эксклюзивных автомобилей спортивного и бизнес-класса. Основана 1 декабря 1914 года в Болонье, Италия. Эмблемой компании является трезубец Посейдона, элемент фонтана Нептуна в Болонье. Штаб-квартира находится в городе Модена, Италия.

⁴¹ Хмарь — пелена тумана.

Дядя Паша бубнил озабоченно:

— Чего-то не хватает, чего-то не хватает... никак не могу вспомнить свой сон... что-то не так...

Рожаящая Ева обернулась на бормотание дяди Паши, взглянула на него прекрасными белыми глазами, погладила по косматой голове ладошкой и тихо прошептала:

— Музыка...

Дядя Паша огрел себя по лбу ладонью:

— Евочка! Точно! Вот дубина стоеросовая! Весь ум уже пропил!

Обернулся в задымленный салон, перекрикивая корчи пассажиров и скрежетания вагона, вскричал:

— Саша, играй! Сашенька Пистолетов! Мальчик мой, играй!

Вагон кидало из стороны в сторону, а над этим хаосом, над всем этим адовым кругом, в эпицентре его, в трамвае — зазвучала скрипка!

Дядя Паша заплакал.

— «Шторм». Вивальди. Божественно! Саша — умничка! — сжав кулаки, прошептал он. — Проскочим, проскочим, проскочим... Я все правильно рассчитал...

— Дядя Паша! — нечеловеческим голосом завопила Зина, показывая на «нечто» через лобовое стекло кабины.

Взоры пассажиров устремились в направлении ее руки — огромный астероид размером с две башни «Империя» из Москва-Сити летел с космической скоростью прямо в трамвай номер восемь. В салоне раздался вой обреченных. Кромешная тьма накрыла вагон, послышался дикий лязг, вагон тряхнула неземная сила — его накренило, он сошел с рельсов, а скрипка Пистолетова не умолкала ни на мгновение!

Метания трамвая вдруг прекратились... Подъемок в салоне и мгла снаружи начали рассеиваться. Вагон остановился. Зина, обессиленная, упала головой на панель, успев выдохнуть в микрофон:

— Остановка «Роддом».

Двери трамвая растворились. И все увидели слева от себя здание областного перинатального центра. Саша Пистолетов заиграл «Тишину» Бетховена.

Телепузики обступили Еву, радостно загалдели:

— Евочка, побежали! Хочешь — мы тебя донесем!

Ева, взирая на молодежь счастливыми белыми глазами, тихо промолвила:

— Родные мои! А я уже родила... — отпахнула простынку, а под ней — розовый младенец, сосущий Евину грудь.

— Девочка, — прошептала Ева. — Зиной назвала.

Спина вагоновожатой затряслась над торпедо...⁴²

* * *

На стене родильного учреждения висел огромный светодиодный экран — передавали последние новости. Пассажиры вагона повернули головы к нему:

«Мы спасены! Мы спасены! Мы спасены! Космический астероид по непонятным для ученых причинам отрикошетил от Луны, изменил траекторию полета на полградуса и пролетел над поверхностью нашей планеты на расстоянии трех метров, не причинив Земле ни йоты ущерба! Пострадал только пантограф⁴³ трамвая номер восемь

⁴² Торпедо — название приборной панели транспорта, ставшее нарицательным по названию компании-производителя «Torpedo».

⁴³ Пантограф (токосъемник типа пантограф, пантографный токоприемник) — токоприемник с подъемным механизмом в виде шарнирного многозвенника, обеспечивающего вертикальное перемещение контактного полоза трамвая.

из городка Ка. Пресс-секретарь администрации губернатора заверил, что ремонтная бригада уже выехала на место аварии...»

Пассажиры захлопали в ладоши, стали обниматься, плакать и кричать «Ура!».

В открытую дверь трамвая, из которой раздавались аплодисменты, заглянула красивая грустная женщина и тихо спросила:

— Я ищу мальчика. Сашу Пистолетова. Вы его не встречали? Он еще на скрипке играет...

Саша вскочил с сиденья.

— Мама! Мамочка! Это моя мама! Она вернулась ко мне! — замороженно выпалил он и побежал к ней между сидений салона, споткнувшись о мэра.

Женщина, присела на корточки в проходе, поймала и крепко обняла Сашу:

— Мой любимый! Я за тобой! Пошли?

Саша звонко засмеялся, обернулся к Анне Ивановне, а та кивнула ему головой. Мама Саши помахала воспитательнице: «Адьо», а губами произнесла: «Мерси!»

Саша с мамой спустились из вагона и медленно побрели, обнявшись, в сторону закатного солнца...

P. S.

Слепая Ева сидела на ступеньках трамвая и кормила дочь грудью. Дядя Паша в окружении двух дворничих — бабы Катри и Ферузы, кондукторши Эмилии, вагоновожатой Зинаиды Крант, Марь Санны, Риммы Андреевны, Тимофея, Димона, Лолы, Николая, Полины, Анны Ивановны, мэра и женщины в медицинской маске, которая всю дорогу причитала то за провал, то за победу, чокались коктейлями — пили и веселели.

— Так ради чего все это было, дядь Паш? — спросила Зина.

Дядя Паша пластмассовым стаканчиком «тыкнул» в сторону уходящих по аллее обнимающихся Пистолетовых, но не успел ответить.

— Ради этого, Зин, ради этого... — произнесла за него Ева, целуя кряхтящую маленькую Зинку в лобик.

Около дружной компании остановился автозак. Из него выбежали омовцы, похожие на космонавтов в черных скафандрах, и окружили с автоматами наперевес пассажиров трамвая. Старший из них, единственный без маски на лице, устало улыбнулся.

— Ну что, Павел Григорьевич, спасли мир от астероидной чумы? — ласково спросил офицер у дяди Паши. — Всех задержанных мы через пару часов отпустим, а вот Павел Григорьевич поедет с нами дальше...

— Куда уж дальше — дальше некуда, — пробормотал дядя Паша.

— Найдется куда. До самой сути... — ответил офицер.

Кивнул подчиненным, и те лихо затолкали всех в грузовик и увезли в ближайшее отделение полиции. Через минуту прибыла ремонтная бригада. Ремонтники в телогрейках прицепили вагон к тягачу, и тот потащил трамвай с цифрой бесконечности на лобовом стекле неизвестно куда, почему и зачем...